

В. И. Козлов

ЭТНОС И ТЕРРИТОРИЯ

В теории этнических общностей «территория» выступает двумя основными сторонами: естественно-географической, как место жительства людей, образующих этнос, т. е. как часть поверхности земного шара с определенными природными условиями, и социально-организованной, обусловленной развитием общественных связей. Обе эти стороны находятся и должны рассматриваться в определенной связи друг с другом.

Начиная данную статью с анализа состояния вопроса, отметим, прежде всего, что «территория» наряду с «языком» и «культурой», бесспорно относится к числу важнейших элементов этноса. Группы людей, из которых складываются этнические общности, живут на определенной территории и находятся во взаимном общении. А для того, чтобы люди могли длительное время непосредственно и регулярно общаться друг с другом в различных областях жизни, они, как правило, должны жить рядом, на одной местности. Поэтому «территория» в том или ином виде, чаще всего в виде признака «общности территории», учитывается почти во всех имеющихся определениях этноса, а также почти во всех теориях и определениях нации. Важность территории, как элемента национальной общности, подчеркнута в ряде работ К. Маркса и Ф. Энгельса; в известном определении племени Ф. Энгельсом перечисление характерных признаков этой общности начинается с «собственной территории». В. И. Ленин считал территорию, наряду с языком, основным признаком нации и резко критиковал защитников лозунга «культурно-национальной автономии», основывавшейся на экстерриториальной культурно-языковой общности людей одной национальной принадлежности.¹

К сожалению, соотношение этноса и территории, сущность территории как элемента этнической общности, в частности — нации, пока раскрыта в нашей литературе гораздо слабее, чем проблемы, относящиеся, например, к языку. Авторы работ, в которых обосновывается понятие этноса или нации, говоря о единстве территории, как о признаке этих общностей, обычно не углублялись в существо вопроса и ограничивались краткими примерами этносов, которые, по их мнению, отвечают или не отвечают этому признаку. До сих пор почти не затронут вопрос об изменяющемся в ходе исторического процесса этно-социологическом значении территории. Положение еще осложняется тем, что в отличие, например, от проблем соотношения этноса и языка, при анализе которых мы можем опираться на языковедческие работы, рассмотрение этнических аспектов территории не привлекло сколько-нибудь пристального внимания специальных наук, в частности, географии.

Попытки уточнить само понятие общности территории, установить признаки, которыми следует руководствоваться для заключения о том,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 92; см. также В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, стр. 73, т. 24, стр. 134.

что такая-то группа людей имеет общность территории, а такая-то — не имеет, встречаются редко и оказываются противоречивыми и не вполне удачными. Некоторые авторы отходят от существа вопроса; так, Г. В. Брегадзе пишет: «Говоря об общности территории, мы подразумеваем такую географическую среду, в которой люди трудятся, борются и производят определенные изменения и которая, со своей стороны, оказывает обратное воздействие на людей, на общественную жизнь и психический склад нации»². Очевидно, что такие общие рассуждения о влиянии природы на человека и человека на природу мало что дают для определения понятия общности территории, как признака этноса. Весьма показательны в этом отношении и взгляды Ш. Б. Батырова, который свел трактовку данного понятия к форме земельной собственности, противопоставив, тем самым, территориальные общности буржуазных наций нациям социалистическим³. Во время дискуссии по некоторым проблемам теории нации было предложено толковать общность территории как «общность государственной территории»⁴, и т. п.

В этнографической литературе бытует термин «этническая территория»; этим термином воспользовались как исходным понятием, некоторые участники упомянутой дискуссии по проблемам теории нации; так, Т. Ю. Бурмистрова, основывая на нем соответствующий признак нации, пишет: «Под общностью национальной территории подразумевается этническая территория, объединяющая все части данной нации»⁵. Но подобные терминологические отсылки оказываются недостаточны, так как понятие «этнической территории» само требует уточнения. По существу единственной крупной работой, где рассматривается данное понятие, является монография П. И. Кушнера «Этнические территории и этнические границы». Однако в центре внимания автора находились проблемы практического определения этнических рубежей и их картографирования; в работе не рассматривались проблемы общей теории этноса, связанные с понятием «общности территории». В самом начале монографии П. И. Кушнер, замечает, что «народы, населяющие земной шар, живут в громадном своем большинстве компактными группами, занимающими в течение длительного времени те или иные территории»⁶. Однако в дальнейшем он не проводит последовательно принципа «компактности» расселения и понимает под этнической территорией всю область исторического распространения того или иного народа, включая районы, где этот народ составляет меньшинство населения и живет не компактно⁷. При таком понимании, этническая территория армян, например, распространяется на значительную часть Советского Союза, явно превышая реальную «общность территории» армянского этноса.

Большинство авторов, затрагивавших сущность общности территории как признака этноса или нации, придерживались принципа компактности расселения: об этом говорят ставшие уже традиционными ссылки на народы с явно некомпактным типом расселения (европейские евреи, цыгане и др.), не отвечающие этому признаку. Попытки сформулировать понятие общности территории до сих пор были редки и не вполне успешны. Целесообразно рассмотреть в этой связи более удачное, чем другие, определение И. И. Потехина, который, характеризуя основные признаки общности территории, пишет: «Общность территории означает

² Г. В. Брегадзе, Из истории формирования грузинской социалистической нации, «Формирование социалистических наций в СССР», М., 1962, стр. 301.

³ Ш. Б. Батыров, Формирование и развитие социалистических наций в СССР, М., 1962, стр. 181.

⁴ П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, О понятии «нация», «Вопросы истории», 1966, № 1.

⁵ Т. Ю. Бурмистрова, Некоторые вопросы теории нации, «Вопросы истории», 1966, № 12.

⁶ П. И. Кушнер, Этнические территории и этнические границы, М., 1951, стр. 5.

⁷ Там же, стр. 92.

только то, что народ, образующий данную народность или нацию, населяет единую сплошную территорию, не разрезанную какими-либо естественными рубежами, препятствующими повседневному общению (моря, горные цепи и т. д.) или инациональными массивами»⁸.

Приведенное определение общности территории, в той его части, которая основана на географических элементах — «естественных рубежах, препятствующих повседневному общению», при практическом его применении ставит исследователя перед рядом трудностей. Непонятно, прежде всего, о каком «повседневном общении» идет речь? Если имеется в виду непосредственное личное общение людей, образующих этнос, то реально такое общение обычно имеет очень узкие территориальные рамки. Такое повседневное общение почти всегда существует между жителями небольших деревень, но уже между противоположными городскими окраинами или между жителями соседних деревень его может не оказаться; овраг или река, разделяющие эти селения, выступают в таком случае в виде тех самых «естественных рубежей», о которых пишет И. И. Потехин.

Совершенно очевидно, кроме того, что повседневному общению людей препятствуют не только «естественные рубежи», но и само расстояние между людьми; представить, что между русским населением Подмосковья и русскими Рязанской области существует какое-то повседневное общение почти столь же трудно, как — между рязанцами и сибиряками. Конечно, между отдельными группами русской нации, между частями других этносов идет определенное общение (экономическое, культурное и пр.), но это общение не может быть названо ни «повседневным», ни всеобщим, а кроме того ему не очень препятствуют какие бы то ни было «естественные рубежи». Известно, что ни тысячекилометровые расстояния, ни наличие важных естественных рубежей (широких рек, гор и т. п.) не препятствуют тому, что, например, рязанцы и сибиряки осознают себя членами русской нации, а жители атлантического и тихоокеанского побережий США — членами американской нации. Уже отсюда ясно, что определение общности территории на основе «естественных рубежей» и возможностей «повседневного общения» является малоудовлетворительным.

Представление о том, что территориальная общность этноса проявляется лишь в том случае, если на заселенной им области нет каких-то «естественных рубежей», и что, следовательно, за такими рубежами должна находиться территория другой этнической общности, восходит к старой концепции тождества этнических и естественных границ, к идеям географического детерминизма. И хотя естественные рубежи бесспорно существуют, однако влияние олицетворяемых ими географических факторов не абсолютно и изменяется с развитием производительных сил общества. В первобытном обществе влияние географических факторов было, конечно, весьма сильным; границы расселения первобытных племен, границы их охотничьих угодий, словом — этнические границы совпадали, как правило, с естественными рубежами: крупными реками, горными хребтами и т. д. В дальнейшем, с ростом материального производства, этноразделительная роль естественных рубежей стала уменьшаться. Так реки, озера, морские проливы и т. п. с развитием судоходства стали использоваться для сношений. При этом водные пути даже оттесняли сухопутные на второй план; древнейшая в Европе Крито-Микенская цивилизация возникла, как известно, на островах Эгейского моря. Многовековое развитие Индонезии, этой «страны тысячи островов» убедительно показывает, что морские проливы и даже небольшие моря не столько разъединяют людей, сколько их соединяют; очень

⁸ И. И. Потехин, Формирование национальной общности южноафриканских банту, М., 1955, стр. 177.

часто один и тот же народ заселял здесь прибрежные районы нескольких островов и путем постоянных сношений по морю поддерживал свое этническое единство; этнические границы здесь чаще шли не между островами, а между прибрежными и внутренними районами одного и того же острова. П. И. Кушнер, рассмотревший соотношение этнических и естественных границ, пришел к выводу, что «теория единства этнических и естественных границ должна быть окончательно отброшена, как противоречащая действительности»⁹.

Правда, и в настоящее время имеются случаи, когда этнические границы на том или ином протяжении совпадают с крупными естественными рубежами, главным образом с берегами больших морей и океанов, но эти границы, как правильно заметил П. И. Кушнер, являются границами односторонними: линия побережья не разделяет два этноса, а лишь фиксирует область расселения одного из них. Что же касается этнических границ по рекам (например, граница между румынами и сербами, румынами и болгарами — по Дунаю, граница между немцами и поляками по Одеру и Нейсе и пр.) и по горным хребтам (например, граница между испанцами и французами по Пиренеям, между аргентинцами и чилийцами — по Кордильерам и пр.), то эти границы чаще всего являются одновременно и границами политическими. Преимущество природных рубежей в демаркационном отношении бесспорно, поэтому совпадение естественных и политических границ — явление достаточно закономерное. И поскольку политические границы очень часто играли роль внешних рамок формирования наций, то связь географических рубежей и этнических границ предстает в таких случаях не в прямом, а в опосредствованном виде.

Чтобы закончить рассмотрение затронутого нами круга вопросов об определении общности территории этноса на основании географических признаков, отметим проблематичность применения здесь и принципов географического районирования. На первый взгляд может показаться, что выделяемые географами районы, такие, например, как Пиренейский полуостров, Восточно-Европейская равнина, Саянское нагорье и т. п., составляют естественную базу для территориальной общности этносов, что люди, живущие в каждом из таких районов, имеют тем самым «общность территории». Более углубленный анализ показывает, однако, что принципы выделения физико-географических, экономико-географических и даже историко-географических районов зачастую слабо связаны с исторически меняющейся картиной этнического расселения и этнических связей. Достаточно показателен в этом отношении Кавказ, который бесспорно выступает в качестве особой физико- и историко-географической области, что еще не значит, будто бы все живущие там народы имеют «общность территории». Такой общности не обеспечивает даже часть Кавказа — Дагестан (также являющийся особым географическим районом); этносы горных долин Дагестана в течение веков жили изолированно друг от друга, сохраняя своеобразие языка и культуры. С другой стороны, существование различных географических районов может не нарушать территориальной общности этноса (например, у русских — Поволжье, Урал, юг Западной Сибири и другие).

Из сказанного ясно, что решение проблемы соотношения этноса и территории не может основываться на географическом подходе. Более правилен здесь подход социологический.

Следуя этому пути, отметим, что территория, будучи материальной основой жизни людей, создает естественную базу для существования почти всех социальных образований. При этом слабее всего связаны с территорией социальные группы, возникшие, главным образом, на общ-

⁹ П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 25.

ности научных интересов или взглядов, например, научные общества, союзы работников искусств и т. п.; некоторые из них могут носить экстерриториальный характер, охватывая людей, живущих в разных странах и даже на разных континентах.

Наиболее тесно связаны с территорией те социальные коллективы, для которых она является, прежде всего, объектом труда и местом длительного обитания. В отличие от языка, общность которого в большинстве случаев лишь приглашает к установлению тех или иных социальных связей между людьми, территориальная близость сама по себе побуждает людей вступать в хозяйственные, культурные, политические и другие социальные отношения. Существуют даже особые социальные, так называемые территориальные или, точнее, соседские связи, которые лежат, например, в основе такого социального образования, как сельская община. Характерно, что эта исторически возникавшая у многих народов мира община и ее орган самоуправления (сельский сход) базируются, прежде всего, на естественной основе общности интересов, вытекающих из совместного проживания людей в одном селении и пользования общими земельными угодьями. Территориальные или соседские связи проявлялись не всегда; исторически они выступили после распада родоплеменных, кровнородственных связей. Прошло долгое время, пока представление о возможности объединения людей лишь по крови, по происхождению стало сочетаться, а затем и отступило на второй план перед объединением их по соседству; впрочем и в возникавших сельских общинах нередко сохранялось внутреннее деление по родам или «фамилиям», которые локализовались по особым улицам или концам селений.

Находясь длительное время на одной и той же территории, «обживая» ее, люди начинают считать ее «родной», связывают с ней свои судьбы¹⁰. Природные условия этой территории накладывают сильный отпечаток на хозяйство и быт живущих на ней людей, отражаются в их духовной культуре и самосознании, повышая тем самым ее социально-образующее влияние. Однако, в отличие, например, от языка и культуры, территория сама по себе не несет значительного этнического содержания. Связь с территорией, страной или областью обитания в принципе характерна больше для понятия «родины» или «отечества» (за которыми также стоят определенные земляческие или политико-государственные общности людей), чем для понятия этноса. Эта относительная слабость связи этноса с территорией объясняет многие приводимые далее случаи, когда нарушение территориальной общности этноса довольно длительное время не приводит к этнической трансформации отделившихся частей.

Для исторически первых типов этнической общности — первобытных племен — территория выступала очевидно не в виде «родины» или «отечества», а как условие жизни, важнейшее средство существования. Членов племени связывала друг с другом, в основном, не общность территории или языка, а чувство общности происхождения. Первобытные племена могли без особого ущерба для их этнической целостности переселяться в другие области. Лишь постепенно, по мере развития хозяйства родо-племенного строя и первобытной идеологии (особенно — культа предков), а также и с переходом от полуседлости к оседлости, территория начинает выступать как «земля предков», как место, где находятся священные предметы племенных культов. Все это привязывает племя к территории, и хорошо известно, например, сколь стойко отстаивали свои племенные земли многие индейские племена Северной Америки перед натиском белых поселенцев.

В классовых формациях этно-социологическое значение территории в целом повысилось. Упадок кровнородственных связей стал в

¹⁰ См. П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 5—6.

социальной жизни компенсироваться возрастанием объединяющей роли религии, языка и территории. Государство, пришедшее на смену племенной организации, представляет собой политико-территориальную общность людей; из-за происшедшего сильного территориального смешения родо-племенных групп внутреннее — административное деление государства основывается на территориальном принципе, объединяющем или разграничивающим людей по месту их жительства. «Население,— как заметил Л. П. Лашук,— в политическом отношении превращается в простой придаток территории»¹¹.

Многие авторы, касаясь процесса формирования в раннеклассовых формациях новых этнических общностей, называемых обычно «народностями», пишут, что в отличие от племенных в их основе лежат не кровнородственные, а «территориальные» связи¹². Для таких утверждений нет достаточных оснований. Территориальные или соседские связи по своей сущности имеют узкие рамки и обычно не выходят за пределы селения или группы близлежащих селений; тем самым они не могут создать более или менее крупную этническую общность. Этническая роль территории в это время состоит в другом. И если для племени территория еще не выступала в качестве важного условия формирования этноса, то теперь она становится таковым. Территория служит базой для постепенного развития и упрочения не каких-то «территориальных», а языково-культурных, хозяйственных, социально-политических и других связей внутри формирующихся новых этнических общностей; кроме того, сами эти общности стремятся использовать различные, связанные с территорией формы и символы социального объединения для укрепления своего единства.

Чтобы территория могла обеспечить формирование этноса, она должна быть сравнительно небольшой и отвечать требованию компактности или целостности¹³. Небольшие размеры территории создают условия для регулярного общения между частями формирующегося этноса, а обусловленное ею сходство природных условий приводит к тому, что все эти части подвергаются однообразному влиянию географических факторов. Русские сложились в этническую общность не на их теперешней громадной территории, протянувшейся от Белого до Каспийского и от Балтийского до Японского морей, а в сравнительно небольшой области, ненамного выходящей за пределы четырехугольника по городам Новгород—Галич—Рязань—Смоленск. Ядро американского этноса сложилось в основном в северо-восточных приантлантических районах современной территории США и т. п.

Условие компактности или целостности территории означает, во-первых, что она не должна быть разбита на изолированные части какими-то труднопреодолимыми географическими препятствиями или неизбежными районами. Чаще всего географические препятствия ограничивают этнообразующие связи лишь на исторически определенных, сравнительно низких уровнях развития производительных сил, а затем преодолеваются, например, в результате изобретения новых транспортных средств, проложения дорог и т. п. И лишь наиболее значительные препятствия, такие, как крупные моря, большие пустыни, высокие горные цепи¹⁴, продолжают в ряде случаев играть видную этноразделительную роль до сих пор. Во-вторых, она не должна быть разбита на части и значительными иноэтническими массивами. Общение между членами формирующегося

¹¹ Л. П. Лашук, О формах донациональных этнических связей, «Вопросы истории», 1967, № 4.

¹² См., например, статью «Народность» в БСЭ, 2-е изд.

¹³ Для народов, ведущих кочевой образ жизни, размеры коренной территории могут быть значительными.

¹⁴ Невысокие горы, используемые под пастбища или для других хозяйственных целей, могут, как и реки, играть объединяющую роль.

этноса может быть представлено в виде последовательных и непрерывных, т. е. цепных связей, которые, распространяясь от селения к селению и от одного соседнего района к другому, пронизывают этот этнос во всех направлениях. Иноэтнические препятствия в этом случае обычно имеют большее значение, чем географические, так как преодоление их неизбежно приводит к межэтническим контактам и связанной с ними значительной этнической трансформации, вступающей в конфликт с развивающейся этнической консолидацией. Нетрудно заметить, что приведенное выше определение «общности территории» И. И. Потехиным подходит для случаев, когда эта общность выступает преимущественно как *условие* формирования этноса, а не как его обязательный *признак*.

Материальный, т. е. географический аспект этнической роли территории дополняется и усиливается социально-психологическим. Русское население Смоленщины географически ближе к белорусам, чем к уральцам, а тем более — русским Забайкалья; между русскими Смоленщины и белорусами нет ни естественных, ни языково-культурных, ни каких бы то ни было других «рубежей», поэтому представление о том, что русские Смоленщины имеют общность территории не с белорусами, а с русскими Забайкалья, выступает, в первую очередь, как социально-психологическое. Этот психологический аспект общности территории возникает постепенно по мере упрочения языково-культурных, хозяйственных, политических и других связей между частями одного и того же этноса, совместного участия его представителей в жизненно важных военных и хозяйственных предприятиях, например в обороне от внешнего врага и т. д. Он усиливается тем, что некоторые географические объекты, расположенные на основной территории этноса, становятся своего рода этническими символами, централизующими этническое самосознание. Так, Волга после падения Казанского и Астраханского ханств и последующего заселения ее берегов русскими становится «великий русской рекой». Однако Иртыш, по берегам которого также живут русские, таким символом не стал, и этнотерриториальная общность Забайкалья и Смоленщины в самосознании русских очевидно опирается лишь на смутные представления о том, что между этими областями тянется непрерывная полоса русских селений. Та же непрерывность прослеживается и в общности территории других крупных народов мира.

Характеризуя роль территории как материальной базы и важного условия формирования этноса, уместно остановиться на конкретном этническом значении отдельных географических факторов, связанных с той или иной территорией. Наиболее важным среди этих факторов, несомненно, является климат, во многом определяющий другие природные явления и оказывающий существенное влияние на хозяйственную деятельность и многие другие стороны жизни людей. Можно отметить, в частности, влияние климата на особенности одежды, жилища, на набор возделываемых сельскохозяйственных культур и годовой цикл земледельческих работ, на транспортные средства в различные времена года и т. д.¹⁵ Почва, рельеф и гидрография также оказывают влияние на характер трудовой деятельности, особенно в сельскохозяйственной сфере, на тип сельских поселений и т. п., достаточно сопоставить в этом отношении горный аул со степной станцией. Растительный покров, точнее — состав флоры в прошлом определял материал жилищ и их виды (бревенчатые дома в лесной зоне, тростниковые хижины в саваннах и т. п.), а вместе с особенностями фауны — специфику традиционной пищи.

Существенное влияние на формирование особенностей материальной культуры народов иногда оказывал даже минералогический состав в пределах их этнических территорий (наличие тех или иных строитель-

¹⁵ Мы не останавливаемся здесь на роли, которую играли климатические различия в формировании антропологических особенностей.

ных и поделочных материалов и т. п.). Отметим в связи с этим, что недостаточность бытовавших в прошлом таких определителей стадий исторического развития народов, как «появление гончарства», «обработка бронзы» («бронзовый век») и железа («железный век»), была обусловлена как раз тем обстоятельством, что немало этносов (например в Океании) из-за отсутствия в природной среде соответствующих материалов достигли классового общества, миновав все эти, представлявшиеся «обязательными», стадии развития.

Элементы географической среды оказывают существенное влияние не только на материальную, но и на некоторые стороны духовной культуры этнических общностей. Так, определяемые климатом циклы земледельческих работ умеренного пояса обычно сопровождаются соответствующими обычаями, обрядами и праздниками, совершенно неизвестными народам тропических стран. Ландшафты этнических территорий с раннего детства запечатляются в сознании населяющих их людей, являются неперенным фоном народных сказаний, песен и других видов фольклора, играющих видную роль в формировании этнического (национального) самосознания. Некоторые элементы ландшафта, то ли в виде конкретных образов (береза у русских, тополь у украинцев, сакура у японцев и т. п.), то ли в виде более широких представлений (река Волга у русских, вулкан Фудзияма у японцев и т. п.) становятся символами данной этнической общности.

Сильное расширение этнической территории до упрочения этнических связей, проникновение отдельных групп еще не вполне сформировавшейся этнической общности в отдаленные, значительно отличающиеся по своим природным условиям области, а также их контакты с живущими там народами, может привести к возникновению особых этно-территориальных (этнографических) групп, отличающихся своей культурой и бытом, диалектом, своим локальным самосознанием и самоназванием (например, у русских — поморы, терские казаки, алтайские кержаки и др.); консолидация таких групп с этническим ядром, как правило, протекает медленно и с трудностями.

Чтобы завершить рассмотрение затронутого круга вопросов об этнической роли природной среды, отметим методологическую ошибочность развиваемых Л. Н. Гумилевым идей географического детерминизма этнической истории. Географическая среда, природные условия не определяют ход общественного развития, хотя и влияют на него, накладывая, в частности, свой отпечаток на культуру и быт этнических общностей, на особенности их расселения и т. д. Географические условия влияют на выбор человеком орудий и способов труда, на своеобразие его трудовых навыков и хозяйственного быта, однако главное здесь то, что человек активно воздействует на природу, преобразует ее в своих целях, создает культурный ландшафт. Этногенез не локализовался в каких-то немногих географических районах, а фактически охватывал все области ойкумены. Природная среда, оказывая прямое или опосредствованное, благоприятное или неблагоприятное воздействие на развитие производства, на рост численности населения, влияла тем самым на этнические процессы, однако она не определяла ни сущности этих процессов, ни форму социальных образований — этнических общностей¹⁶.

Немаловажное значение для правильного понимания существа взаимодействия этносов с географической средой имеет разработанное в советской этнографической науке понятие о хозяйственно-культурных типах, т. е. исторически сложившихся особенностей хозяйства и культуры, характерных для этносов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных географических условиях (например, тип «арктические охотники на морского зве-

¹⁶ Подробнее см. В. И. Козлов, Что же такое этнос, «Природа», 1971, № 2.

ря», «скотоводы сухих степей и полупустынь» и т. п.¹⁷ В ходе истории, с изменением уровня развития производительных сил изменяется и характер влияния на хозяйство и культуру народов окружающей их природной среды. Изменения эти могут быть настолько глубокими, что на месте одного хозяйственно-культурного типа возникает и развивается у тех же самых этносов и в той же географической среде совершенно другой тип, например, кочевники-скотоводы переходят на оседлость и начинают заниматься земледелием и т. п. Со становлением капитализма и развертыванием промышленно-технической революции хозяйственно-культурные типы предыдущих эпох начинают разрушаться, на их месте складываются новые зональные экономические и культурно-бытовые комплексы, к сожалению, еще мало изучаемые этнографами.

Выше, при рассмотрении этнической роли территории, мы касались, главным образом, ее значения в качестве естественной базы, условия формирования этноса. Отметим теперь и важную роль территории для устойчивого существования уже более или менее сформировавшихся этносов. Нарушение целостности этнической территории, значительное территориальное разобщение членов этнической общности и вызванное этим ослабление между ними хозяйственных, культурных и других связей, а особенно—превращение отделившихся групп в национальные меньшинства, находящиеся среди другого народа, почти неизбежно ведут к их этнической трансформации и обычно кончаются ассимиляцией таких групп. Это вместе с приведенной ранее характеристикой этнической роли территории заставляет включить ее в число признаков этноса.

Заметим, однако, что признак территориальной общности или целостности этноса не является строго обязательным. Было бы большим упрощением считать, что раздельные территории непременно ведут к образованию разных этносов. Правда, такие случаи были нередки: часть ойратов, переселившихся из Джунгарии в Прикаспийские степи, дала начало калмыцкому этносу; часть англичан, переселившись в Северную Америку, образовала там ядро американской и англо-канадской наций и т. п. Вместе с тем, многочисленные английские переселенцы на юг Африки не образовали там особой этнической общности, не образовали такой общности, например, и французские переселенцы в Алжир. Одной из важных причин, затруднивших процесс самостоятельного этнического развития, в том и другом случае было то, что переселенцы на новом месте жили в значительном территориальном смешении с другими этническими группами; англичане ЮАР — с африканерами (бурами), французы Алжира — с арабами и берберами. Но и эта причина не универсальна; так, шведы, заселившие в XVI в. западные и южные приморские районы Финляндии, также не образовали особого этноса, хотя их отделяло от Швеции Балтийское море и хотя их расселение на новом месте было в течение длительного времени довольно компактным.

Вообще, этническая территория представляет собой нечто цельное и четко обособленное от территорий других этносов, как правило, только у ранних форм этнической общности, а также у тех новых наций, этнические границы которых совпадают с политическими границами их государств. Развитие человечества сопровождалось территориальным смешением этносов; это смешение заполняло собой целые исторические эпохи (например, эпоху «великого переселения народов»); весьма показательны в этом отношении и XIX—XX столетия, когда в связи с развитием капитализма развернулись массовые миграции людей из деревни в город, из одного района в другой и из одной страны — в другую. Достаточно взглянуть на этническую карту мира, чтобы увидеть множество районов, в которых этносы живут в сильном территориальном смешении, чересполосно друг с другом.

¹⁷ См.: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-географические области, «Сов. этнография», 1955. № 4.

Результаты процессов территориального смешения этнических общностей могут быть представлены в виде четырех основных случаев. В первом, наиболее распространенном случае, народ сохраняет единство и целостность своей основной территории; значительное смешение его с другими этносами наблюдается лишь в полосе этнических границ; группы его переселенцев на инациональные территории по сравнению с общей численностью этноса относительно немногочисленны и не образуют на новых местах существенных этнических ареалов. Примером такого типа этнического расселения в СССР может служить расселение эстонцев и белорусов; в Зарубежной Европе, например, расселение норвежцев и итальянцев. Так, этнические границы итальянцев, примерно совпадающие с государственными границами Италии, охватывают область, почти во всех районах которой живут только итальянцы или они составляют подавляющее большинство населения; что же касается групп итальянских иммигрантов за пределами Италии, то они растворены среди массы французского, бельгийского, американского и другого населения.

Во втором случае, ко всему, что характерно для первого типа этнического расселения, добавляется существование за пределами основной этнической территории народа отдельных, нередко значительных районов, где принадлежащие к этому народу люди также составляют явное большинство населения. Примером таких «самостоятельных» этнических территорий могут служить ареалы венгров в Трансильвании и других областях Румынии, ареалы шведов в Финляндии и т. п.

Особого внимания заслуживает третий случай расселения, при котором прежде единая этническая территория разбивается инациональными массивами на отдельные этнические «острова». Так, произошло, например, с территориями некоторых народов Поволжья. Уже в XVI—XVII вв. в результате массового движения русских на редкозаселенные земли Поволжья, этническая территория мордвы (на которой, впрочем, еще раньше поселились группы татар) была разбита на отдельные части широкими полосами русских поселений, а сама мордва даже в пределах своего коренного района стала национальным меньшинством¹⁸. Примерно то же произошло несколько позже с башкирскими и отчасти с татарскими землями. Напомним, что на 1970 г. башкиры в пределах своей республики составляют лишь 23,4 % от общей численности ее населения, а мордва в своей республике—35,4 %, причем в Мордовской АССР находится менее трети всего мордовского населения страны, остальные группы его разбросаны, главным образом, в автономных республиках и областях среднего Поволжья.

Четвертый случай этнического расселения может быть назван дисперсным. Эта дисперсность, сильно нарушающая этнические контакты, делится на два принципиально различных вида. Один из них обусловлен спецификой природных условий и хозяйственной деятельности. Так, немногочисленные, насчитывающие всего несколько десятков тысяч человек охотники-оленоводы эвенки живут небольшими группками на громадных пространствах сибирской тайги,—от Енисея до Охотского моря, столетиями не общавшимися друг с другом. Примерно такой же дисперсный характер этнического расселения имеют, например, эскимосы, небольшие стойбища которых разбросаны по прибрежным районам Северного Ледовитого океана от восточной Гренландии до Чукотки. Другой вид дисперсного расселения обусловлен социально-этническими факторами, как это наблюдается, например, у цыган, которые живут в различных странах мира, главным образом в юго-восточной Европе.

Рассматриваемые нами вопросы соотношения этноса с территорией имеют не только теоретическое, но и большое практическое-политическое

¹⁸ Подробнее об этом см.: В. И. Козлов. Расселение мордвы (исторический очерк), «Вопросы этнической истории мордовского народа», М., 1960.

значение. Известно, что большинство межгосударственных споров за владение той или иной территорией обосновывалось, в первую очередь, «естественным» правом какого-то народа на его «древнюю, родную землю». Известно также, что одна из основных программных установок большевиков по национальному вопросу — тезис о праве наций (народов) на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства (а в нужных случаях — образования национальных автономий в пределах многонациональных государств) также базировался на этно-территориальных посылах. Практическое осуществление этого тезиса из-за сильного территориального смешения этнических общностей представляло немалые трудности. Анализируя данную проблему, С. Г. Шаумян писал, например: «Нации настолько смешались друг с другом, что уже нет национальных территорий, в пределах которых можно было бы с легкостью учредить национальные федеративные или автономные области»¹⁹.

Характеристика сложного процесса национально-территориального строительства, развернувшегося в нашей стране после Великой Октябрьской социалистической революции, выходит за рамки задач данной статьи. Отметим лишь, что при установлении границ национальных союзных и автономных республик национальная принадлежность населения тех или иных районов не всегда играла основную роль и часто отступала перед экономической целесообразностью²⁰. Достаточно взглянуть на современную карту народов СССР, чтобы увидеть, что административные границы многих республик отличаются от этнических.

Заметим в заключение, что вопрос о трактовке признака «общности территории» в так называемой теории нации до сих пор остается не вполне решенным. В прошедшей недавно дискуссии вокруг определения понятия нации, как уже отмечалось, Н. М. Рогачев и М. А. Свердлов предложили понимать этот признак как общность государственной территории, ибо государственные границы обычно нарушают общение между людьми сильнее, чем включаемые в понятие «территория» природные рубежи. Однако это предложение, подвергнутое критике уже в ходе дискуссии²¹, представляется мало удачным. Общению людей могут препятствовать не только государственно-политические, но и религиозные различия, но это еще не значит, что мы должны включить религию в понятие общности территории. Очень важный вопрос об этнической роли государственности (несомненно с учетом территориальных факторов) заслуживает специального рассмотрения, слияние же его с вопросом о территории может привести к ненужному усложнению обоих.

Следует учесть, кроме того, что государство возникло значительно позже ранних форм этнической общности и что проложение государственно-политической границы само по себе нарушает этнические связи, но не целостность этнической территории, а государственное объединение удаленных друг от друга областей не приводит к их территориальной общности. Тот, например, факт, что этническая территория поляков в течение длительного времени была разделена государственными границами, не означал, конечно, что в это время поляки утратили общность территории, хотя национальное развитие их в разных государствах имело свои особенности. С другой стороны, французское население Алжира,

¹⁹ Г. С. Шаумян, О национально-культурной автономии, М., 1959, стр. 25.

²⁰ В одних случаях, например, при проведении границ в районах смешения башкир или казахов с русскими, проступала тенденция охватить границами национальных республик основную массу данного этноса (т. е. всю его «этническую территорию», как ее понимал П. И. Кушнер), вне зависимости от численности другого этноса; в остальных случаях сложные вопросы административно-территориальных границ решались с учетом конкретных обстоятельств.

²¹ См., например, М. С. Джунусов, Нация как социально-этническая общность людей, «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 29.

считавшегося до 1962 г. «заморским департаментом» Франции, не имело, конечно, общности территории с французами самой Франции.

Подведем некоторые итоги проделанного нами анализа и сделаем основные выводы. Территория, выступающая, прежде всего, в виде определенного географического пространства, представляет собой материальную основу существования этнических общностей. В историческом плане значение территории для этноса не оставалась постоянным. Для этносов первобытнообщинной эпохи, социальная целостность которых основывалась на чувстве общности происхождения, материализованном в виде непосредственных кровнородственных связей, территория выступает, главным образом, как условие их существования, как природная среда их обитания; будучи закрепленной за определенным племенем, территория приобретает значение его признака. С упадком кровнородственных связей, в раннеклассовых формациях территория получает большое этнообразующее значение; территориальная общность побуждает к установлению хозяйственных и других связей, ведущих к нивелировке языковых и культурно-бытовых различий и т. д.; этническое самосознание закрепляется территориально-географическими символами единства, идеей о «родной земле», как субъективном отражении данного признака этноса. Целостность, непрерывность этнической территории важна, главным образом, как условие формирования этнической общности; для устойчивого же существования уже сформировавшегося этноса достаточно наличие более или менее значительного, целостного и компактного «этно-территориального ядра», соотносясь или сообщаясь с которым отделившиеся части этноса, живя в среде других этносов, могут длительное время сохранять свою языково-культурную специфику и свое самосознание.

ETHNOS AND TERRITORY

Territory as a definite geographically bounded area forms as it were a basis for the emergence and further existence of ethnic communities. For ethnoses of the primitive tribal era territory does not yet play a major role as a factor of ethnic formation. This role increases with the weakening of blood kinship ties in early class societies, a common territory gives an incentive towards establishing economic, cultural and other relations, while the idea of «native land» becomes a necessary component of ethnic consciousness. Territory as a basis for the formation of ethnoses, must satisfy the requirements of indivisibility, continuity — both as to the absence of important natural borders and of alien ethnic groups; for the lasting maintenance of an ethnos which has already come into being the existence of a more or less compact «ethno-territorial nucleus» or a national-territorial (state) organization is usually sufficient.
